MOLITVA

Lev Nikolaevich, graf, Tolstoi

891.73
T654M0

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

(-й Русский Отдел Рабочей Партии Амер...

МОЛИТВА.

"

Tolstoi

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/molitva01tols

891.73
T654MO

МОЛИТВА.

...Знаетъ Отецъ вашъ.
въ чемъ вы имѣете нужду,
прежде вашего прошенія....
Мае. VI, 8.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это не можетъ быть... Докторъ! Да развѣ ничего нельзя? Да что же вы молчите всѣ?!....

Такъ говорила молодая мать, выходя большими, рѣшительными шагами изъ дѣтской, гдѣ умиралъ отъ водянки въ головѣ ея первый и единственный трехлѣтній мальчикъ.

Тихо разговаривавшіе между собою мужъ и докторъ замолчали. Мужъ робко подошелъ къ ней, ласкаво коснулся рукой ея растрепанной головы и тяжело вздохнулъ. Докторъ стоялъ, опустивъ голову, своимъ молчаніемъ и неподвижностью показывая безнадежность положенія.

— Что жъ дѣлать!—сказалъ мужъ.—Что же дѣлать, милая.

— Ахъ, не говори, не говори!—вскрикнула она какъ будто злобно, укоризненно и, быстро повернувшись, пошла назадъ въ дѣтскую.

Мужъ хотѣлъ удержать ее.

— Катя! не ходи.... .

Она и не отвѣчая, взглянула на него большими усталыми глазами и вернулась въ дѣтскую.

Мальчикъ лежалъ на рукѣ няни съ подложенной подъ голову бѣлой подушкой. Глаза его были открыты, но онъ не глядѣлъ ими. Изъ сжатаго ротика пузырилась пѣна. Няня

съ строгимъ, торжественнымъ лицомъ смотрѣла куда-то мимо его лица и не пошевелилась при вздохѣ матери. Когда мать вилоть подошла къ ней и подсунула руку подъ подушку, чтобы перенять ребенка отъ няни, няня тихо сказала: «Отходитъ», и отстранилась отъ матери. Но мать не послушалась ее и ловкимъ, привычнымъ движеніемъ взяла мальчика себѣ на руки. Длинные вьющіеся волосы мальчика запутались. Она оправила ихъ и взглянула въ его лицо.

— Нѣтъ, не могу,—прошептала она и быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ отдала его нянѣ и вышла изъ комнаты.

Ребенокъ болѣлъ вторую недѣлю. Все время болѣзни мать по нѣскольку разъ въ день переходила отъ отчаянія къ надеждѣ. Во все это время она спала едва ли полтора часа въ сутки. Все это время она, не переставая, по нѣскольку разъ въ день уходила въ свою спальню, становилась передъ большимъ образомъ Спасителя въ золотой ризѣ и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ спасъ ея мальчика. Чернолицый Спаситель держалъ въ маленькой черной рукѣ золоченную книгу, на которой чернью было написано: «Приди-

те ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я упокою васъ». Стоя передъ этимъ образомъ, она молилась, всѣ силы своей души вкладывала въ свою молитву. И хотя въ глубинѣ души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинетъ горы и что Богъ сдѣлаетъ не по ея, а по Своему, она все-таки молилась, читала извѣстныя молитвы, которыя она сочиняла и говорила вслухъ съ особеннымъ напряженіемъ.

Теперь, когда она поняла, что онъ умеръ, она почувствовала, что въ головѣ ея что-то сдѣлалось, какъ будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя въ свою спальню, съ удивленіемъ оглянулась на всѣ свои вещи, какъ будто не узнавая ихъ. Потомъ легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халатъ мужа, и потеряла сознаніе.

И вотъ во снѣ она видитъ, что ея Костя, здоровый, веселый, сидитъ, со своими кудрявыми волосами и тонкой бѣлой шейкой, на креслицѣ, болтаетъ пухлыми въ икрахъ ножками и, выпятивъ губки, старательно усаживаетъ куклу-мальчика на картонную

лошадку безъ одной ноги и съ проткнутой спиной.

«Какъ хорошо, что онъ живъ», думаетъ она». «И какъ жестоко то, что онъ умеръ. Зачѣмъ? Развѣ могъ Богъ, Которому я такъ молилась, допустить, чтобы онъ умеръ? Зачѣмъ это Богу? Развѣ онъ мѣшалъ кому нибудь? Развѣ Богъ не знаетъ, что въ немъ вся моя жизнь, что я не могу жить безъ него? И вдругъ взять и измучить это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на всѣ мои мольбы отвѣчать тѣмъ, чтобы у него остановились глаза, чтобы онъ вытянулся, захолодѣлъ, закостенѣлъ». И она опять видитъ. Вотъ онъ идетъ. Такой маленькій, въ такія высокія двери идетъ, размахивая ручонками, какъ большіе ходятъ. И глядитъ, и улыбается.... Милый! Иего-то Богъ хотѣлъ измучить и уморить! Зачѣмъ же молиться Богу, если Онъ можетъ дѣлать такіе ужасы?»

«И вдругъ Матреша, дѣвочка, помощница няни, начинаетъ что-то говорить очень странное. Мать знаетъ, что это Матреша, а вмѣстѣ съ тѣмъ она—и Матреша, и Ангелъ. «А

если она ангелъ, то отчего у нея нѣтъ за спиной крыльевъ?» думаетъ мать. Впрочемъ, она вспоминаетъ, что кто-то—она не помнитъ кто, но кто-то, заслуживающій довѣрія — говоритъ ей, что ангелы бываютъ теперь и безъ крыльевъ. И ангелъ Матреша говоритъ:

—Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь, Ему никакъ нельзя всѣхъ слушать. Они часто о такомъ просятъ, что одному сдѣлаешь, другого обидишь. Вотъ сейчасъ. По всей Россіи молятся, да какіе люди! Самые первые архіереи, монахи въ соборахъ, въ церквахъ надъ мощами,—всѣ молятся, чтобы Богъ далъ побѣды надъ японцами. А вѣдь это развѣ хорошее дѣло? И молиться объ этомъ не годится, да и годить-то Ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы имъ побѣдить. А вѣдь Онъ одинъ у насъ Батюшка. Какъ же Ему быть?

«—Какъ же Ему быть, барыня? — говоритъ Матреша.

«— Да, это такъ. Это старое. Это еще Вольтеръ говорилъ. Всѣ это знаютъ и всѣ говорятъ. Я не объ этомъ. А отчего же Онъ не можетъ исполнить просбу, когда я прошу не о вредномъ о чемъ-нибудь, а только о

томъ, чтобы не уморить моего милаго мальчика? А вѣдь безъ него жить не могу, — говоритъ мать и чувствуетъ, какъ онъ обнимаете ее за шею своими пухлыми рученками, и она своимъ тѣломъ чувствуетъ его тепленькое тѣльце. «Хорошо, что это не случилось», думаетъ она.

«— Да вѣдь не одно это, барыня,—пристаетъ Матреша такъ же безтолково, какъ всгда,—вѣдь не одно это. Бываетъ, что и одинъ проситъ, да никакъ невозможно сдѣлать ему того, что онъ хочетъ. Намъ это вполнѣ извѣстно. Я-то вѣдь знаю, потому что я докладываю,—говоритъ Матреша-ангелъ точно такимъ голосомъ, какимъ она вчера, когда барыня посылала ее къ барину, говорила нянѣ:—Я-то знаю, что баринъ дома, потому что я докладывала.

«— Сколько разъ приходилось докладывать,—говоритъ Матреша,—что вотъ хорошій человѣкъ (изъ молодыхъ все больше) проситъ помочь ему, чтобы онъ дурныхъ дѣлъ не дѣлалъ, не пьянствовалъ, не распустничалъ, проситъ, чтобы изъ него, какъ занозу, вынули порокъ.

«Какъ однако хорошо говоритъ Матреша» —думаетъ барыня.

«—А Ему никакъ нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только отъ старанія и польза бываетъ. Вы сами, барыня, давали мнѣ читать сказку о черной курицѣ. Тамъ разсказано, какъ мальчику черная курица дала за то, что онъ ее спасъ отъ смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что пока оно у него въ штанахъ въ карманѣ лежало, онъ не уча всѣ уроки зналъ, и какъ онъ отъ этого самаго зернышка совсѣмъ пересталъ учиться и память потерялъ. Нельзя Ему, Батюшкѣ, изъ людей вынимать зло. И имъ не просить объ этомъ надо, а самимъ вырывать, вымывать, вывертывать его изъ себя.

«Откуда она эти слова знаетъ?! думаетъ барыня и говоритъ:

«— Ты все-таки, Матреша, не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ.

«— Дайте срокъ, все скажу, — говоритъ Матреша. — А то и такъ бываетъ: докладываю. что разорилась семья не по своей

винѣ, всѣ плачутъ, вмѣсто хорошихъ комнатъ живутъ въ углѣ, даже чаю нѣтъ, просятъ хоть какъ-нибудь помочь имъ. И то же никакъ нельзя Ему сдѣлать по ихнему, потому Онъ знаетъ, что это имъ не на пользу. Они не видятъ, а Онъ, Батюшка, знаетъ, что если бы они въ достаткѣ жили, они бы вздрызгъ узбаловались.

«Это правда», думаетъ барыня. «Но зачѣмъ же она такъ вульгарно выражается о Богѣ? Вздрызгъ.... это совсѣмъ не хорошо. Непремѣнно скажу ей при случаѣ».

«— Но я не про то спрашиваю,—повторяетъ опять мать. — Я спрашиваю: зачѣмъ, за что хотѣлъ это твой Богъ взять и меня моего ребенка? — И мать видитъ передъ собой своего Костю живого и слушаетъ его, какъ колокольчикъ звонкій, дѣтскій, его особенный милый смѣхъ. — Зачѣмъ они взяли его у меня? Если Богъ могъ это сдѣлать, то Онъ злой, дурной Богъ и совсѣмъ не надо Его и не хочу знать Его.

«И что же это такое: Матреша уже совсѣмъ не Матреша, а какое-то совсѣмъ дру-

гое, новое, странное, неясное существо, и говоритъ это существо не устами вслухъ, а какимъ-то особеннымъ способомъ, прямо въ сердцѣ матери.

«— Жалкое ты, слѣпое и дерзкое, зазнавшееся созданіе,—говоритъ это существо.— Ты видишь своего Костю, какимъ онъ былъ недѣлю тому назадъ, съ своими крѣпенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами и съ наивной, ласковой и осмысленной рѣчью. Но развѣ онъ всегда былъ такой? Было время, когда ты радовалась, что онъ выговариваетъ «мама» и «баба» и понимаетъ кто-то; а еще прежде ты восхищалась тѣмъ, что онъ стоялъ дыбочки и, качаясь, перебѣгаетъ мягко ножками къ стулу, а еще прежде всѣ восхищались тѣмъ, что онъ, какъ звѣрокъ, ползалъ по залѣ, а еще прежде радовались, что онъ узнаетъ, что держитъ безвосую головку съ дышащимъ темечкомъ, а еще прежде восхищались тѣмъ,

что беретъ сосокъ и нажимаетъ его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что онъ, весь красный и еще не отдѣленный отъ тебя, жалостно кричитъ, обновляя свои легкія. А еще прежде, за годъ, гдѣ былъ онъ, когда его совсѣмъ не было? Вы всѣ думаете, что вы стоите и что вамъ и тѣмъ, кого вы любите, слѣдуетъ всегда быть такими, какими они сейчасъ. Но вѣдь вы не стоите ни минуты, всѣ вы течете какъ рѣка, всѣ летите, какъ камень книзу, къ смерти, которая, рано или поздно, ждетъ всѣхъ васъ. — Какъ же ты не понимаешь, что если онъ изъ ничего сталъ тѣмъ, что онъ былъ, то онъ не остановился бы и ни минуты не оставался бы такимъ, какимъ былъ, когда умеръ; а какъ изъ ничего сдѣлался сосункомъ, изъ сосунка сдѣлался ребенкомъ, такъ изъ ребенка сдѣлался бы мальчикомъ, школьникомъ, юношей, молодымъ человѣкомъ, взрослымъ, старѣйшимъ, старымъ. Ты вѣдь не знаешь, чѣмъ онъ былъ бы, если бы остался живъ. А я знаю.

«И вотъ мать видитъ въ отдѣльномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, кабинетѣ ресторана (одинъ разъ мужъ возилъ ее въ

такой ресторанъ), передъ столомъ съ остатками ужина видитъ одутловатаго, морщинистаго, съ подведенными къ верху усами, противнаго, молодящагося старика. Онъ сидитъ, глубоко затонувъ въ мягкомъ диванѣ, и пьяными глазами жадно оглядываетъ развращенную, подкрашенную, съ оголенной, бѣлой, толстой шеей женщину и пьянымъ языкомъ выкрикиваетъ, повторяя нѣсколько разъ, неприличную шутку, очевидно довольный одобрительнымъ хохотомъ такой же другой, какъ они, пары.

«— Неправда, это не онъ, это не мой, Костя! — вскрикиваетъ мать съ ужасомъ, глядя на гадкаго старика, который тѣмъ и ужасенъ, что то есть въ его взглядѣ, въ его губахъ, напоминающее особенное Костино. «Хорошо, что это сонъ», думаетъ она. Костя настоящій вотъ онъ. И она видитъ бѣленькаго, голенькаго, съ пухлыми грудками Костю, какъ онъ сидитъ въ ваннѣ и, хохоча, болтаетъ ножонками, не только видитъ, но чувствуетъ, какъ вдругъ онъ охватываетъ ея обнаженную по локоть руку и цѣлуетъ, цѣлуетъ и подъ конецъ кусаетъ ее, не зная, что бы ему еще сдѣлать съ этой милой ему рукой.

«Да, вотъ это Костя, а не тотъ ужасный старикъ», говоритъ она себѣ. И на этихъ словахъ просыпается и съ ужасомъ признаетъ дѣйствительность, отъ которой уже некуда проснуться.

Она идетъ въ дѣтскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. Съ восковымъ и утончившимся носикомъ, съ ямочками у ноздрей и приглаженными отъ лба волосками, онъ лежитъ на какомъ-то возвышеніи. Вокругъ горятъ свѣчи и стоятъ на столикѣ въ головахъ бѣлые, лиловые и розовые гіацинты. Няня поднимается со стула и, поднявъ брови и вытянувъ губы, смотритъ на поднятое къ верху каменно-неподвижное личико. Изъ другой двери навстрѣчу матери входитъ Матреша съ своимъ простымъ, добродушнымъ лицомъ и заплаканными глазами.

«Какъ же она мнѣ говорила, что нельзя огарчаться, а сама плакала!», думаетъ мать. И она переводитъ свой взглядъ на покойника. Въ первую минуту ее поражаетъ и отталкиваетъ ужасное сходство мертваго личика съ тѣмъ лицомъ старика, котораго она видѣла во снѣ, но она отгоняетъ эту мысль и, перекрестившись, притрогивается теплыми губами къ холодному, восковому лобику, по-

томъ цѣлуетъ сложенныя оставшія маленькія ручки, и вдругъ запахъ гіацинтовъ какъ будто что-то новое говоритъ ей о томъ, что его нѣтъ и никогда больше не будетъ, и ее душатъ рыданія, и она еще разъ цѣлуетъ его въ лобъ и въ первый разъ она плачетъ. Она плачетъ, но плачетъ не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знаетъ, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо.

— Грѣхъ, матушка, плакать, — говоритъ няня и, подойдя къ маленькому покойнику, вытираетъ сложеннымъ платочкомъ слезы матери, оставшіеся на восковомъ лбу Кости. — Отъ слезъ его душенькѣ тяжело будетъ. Ему хорошо теперь. Ангельчикъ безгрѣшный. А живъ бы былъ, кто знаетъ, что бы было.

— Такъ, такъ, а все-таки больно, больно! — говоритъ мать.

Конецъ.

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Molitva.
891.73 T654MO
D903552020